

В день суда Джошуа Даллер так и не смог сомкнуть глаз. Проворочавшись всю ночь, он поднялся в пять утра с темными кругами под глазами. Его младшая сестра, Роши, свернулась калачиком на соседней кровати, укутавшись в огромное одеяло, точь-в-точь креветка.

Условия в отеле были несравнимо лучше, чем в их прежней лачуге. Здесь даже зажигали успокаивающие благовония, помогающие уснуть. Девочка спала беззаботно и сладко, как никогда прежде: не мерзла по ночам, не пугалась шороха крыс или тараканов и не вздрагивала от криков пьянчуг под окнами. Наконец-то она обрела настоящий покой.

Как же ему хотелось, чтобы этот покой длился вечно! Но он не мог ничего обещать.

Ведь сегодня его ждал суд.

На душе у него было тревожно и тошно; им овладело глухое, апатичное сопротивление.

Воздух в комнате был чистым — уж точно свежее, чем на загазованных улицах, — но оставаться в этом замкнутом, безмолвном пространстве Джошуа больше не мог. Стены словно давили на него, подступая к самому горлу.

Подоткнув одеяло сестре, он плотнее запахнул куртку и выскользнул за дверь.

В пять утра город еще тонул в предутренней мгле. Небо заволокли тяжелые свинцовые тучи — день обещал быть пасмурным.

Спустившись на улицу, Джошуа жадно вдохнул ледяной воздух, заставивший сжаться все внутри. Сейчас он едва ли мог назвать себя свободным человеком, а уж о том, что ждет его впереди, и думать не хотелось. Наложённые ограничения связывали его по рукам и ногам: куча запретных мест, куча людей, с которыми нельзя видеться.

К тому же адвокат строго-настрого запретил ему уходить далеко.

Поэтому он просто бродил по темным переулкам, словно приговоренный к смерти, отчаянно и хаотично цепляющийся за последние крупницы привычной жизни.

Многолетняя работа на стройках приучила его к постоянной выносливости — его ноги не знали усталости. Расстояние от отеля «Серебряный чай» до улицы Двух Лун для него было парой пустяков, от силы полчаса неторопливого бега.

Очнулся он лишь тогда, когда обнаружил, что стоит перед дверью собственного дома.

Когда-то давно, при жизни бабушки, в доме всю ночь горел старый переносной фонарь. Ради экономии его приглушали, но тусклого света вполне хватало, чтобы не блуждать в потемках и

не натекать на углы.

В те годы, как бы поздно он ни возвращался после своих уличных проделок, в окне всегда дрожал знакомый теплый огонек. Там, в глубоком кресле, его ждала бабушка.

Джошуа отрешенно посмотрел на темные, безжизненные окна. Машинально запустил руку в карман — пусто.

Ключи от дома остались в номере отеля, спрятанные под подушкой Роши.

Постояв еще немного у порога, он поддался какому-то нелепому порыву и трижды робко постучал.

Опустив голову, он долго-долго ждал у запертой двери. Но за ней так и не раздалось знакомое шарканье бабушкиных шагов.

Больше никто на свете не распахнет перед ним дверь, не прижмет к себе и не спросит заботливо: «Замерз небось? Случилось чего? Ну-ка, выше нос...»

Привалившись спиной к косяку, он опустился прямо на холодную землю и замер, словно бездомный бродяга, потерявший счет времени.

Часы на башне улицы Двух Лун звонили дважды в сутки: ровно в восемь утра и в семь вечера, без секундного опоздания. С первыми ударами колокола Джошуа вздрогнул и поднялся. Потерпевшие от холода ладони и побежал обратно к отелю.

Янь Суйчжи и Гу Янь разговаривали в коридоре отеля. Заметив возвращающегося юношу, профессор спросил:

— Где ты пропадал?

— Бегал, — буркнул Джошуа.

"Бегал так, словно только что вернулся с похорон?"

Янь Суйчжи не стал выводить его на чистую воду и расспрашивать дальше — лишь молча кивнул.

— Погода паршивая. Небо заволкло, того и гляди ливень хлынет, — уныло протянул Джошуа, не поднимая глаз. — Не к добру это.

— Твои слова звучат как приговор нам обоим, — отозвался Янь Суйчжи.

Джошуа попытался улыбнуться, но губы не слушались — сегодня у него совсем не было сил притворяться.

— Не знаю... Мне просто паршиво. Кажется, будто никто мне не верит.

Обычно в такие моменты положено отвечать: «Я верю тебе». И неважно, правда это или ложь.

Но Янь Суйчжи промолчал. Он повидал слишком много на своем веку и никогда не мнил себя святым. Порой он мог проявить участие, но чаще его сердце оставалось твердым как гранит. Увы, выдавить из себя дежурное утешение он не мог. Для него профессиональные отношения строились на жестком правиле: адвокат обязан выжать из подзащитного максимум доверия и абсолютную правду. В суде адвокат часто становится последней соломинкой, за которую цепляется утопающий. И все же сам адвокат никогда не должен верить подзащитному до конца.

Янь Суйчжи всегда делил слова своих клиентов надвое.

В конце концов он лишь похлопал парня по плечу. Зато Гу Янь внезапно спросил:

— Перед началом процесса я хочу спросить тебя в последний раз: это твоих рук дело?

Янь Суйчжи покосился на него.

Вопрос прозвучал сухо и бесстрастно, обычным будничным тоном — чистая формальность.

Однако в эту секунду Джошуа почувствовал облегчение. Ему было важно, чтобы кто-то хотя бы выслушал его ответ. Он посмотрел Гу Яню прямо в глаза и твердо произнес:

— Нет.

После этих слов ледяная пустота в его груди наконец начала отступать.

В девять часов пятнадцать минут утра Джошуа Даллер и его защитник Гу Янь прибыли в здание суда. С ними приковылял и Янь Суйчжи, который упрямо игнорировал ноющую ногу, изо всех сил стараясь казаться бодрым.

Предварительные слушания в Городе Вина проходили из рук вон плохо — спешно и хаотично. Впрочем, ни Гу Яню, ни Янь Суйчжи было не привыкать к подобному бардаку. В глуши Межзвездного Союза общепринятые юридические нормы соблюдались сквозь пальцы. Именно

поэтому адвокаты старались перепроверять каждую мелочь, собирать максимум улик и искать любые лазейки в обвинении, чтобы устоять на ногах в этом правовом хаосе.

Адвокат и прокурор обменялись материалами дела, быстро уладив формальности.

Ровно в десять утра в зале судебных заседаний номер один появился председательствующий судья.

Гу Янь и представитель обвинения обменялись с судьей короткими кивками. Янь Суйчжи устроился на скамье прямо за спиной своего подопечного. Скрытый от чужих глаз массивной деревянной перегородкой, он закинул ногу на ногу, чтобы не тревожить распухшую лодыжку. Внимательно разглядывая опущенные уголки глаз и плотно сжатые губы судьи, профессор задумчиво щелкнул зажатым в пальцах электронным пером.

Когда Гу Янь сел, Янь Суйчжи наклонился к его затылку и тихо шепнул:

— Кажется, предчувствие не обмануло паренька. Мерзкая погодка за окном — действительно дурной знак. Нам достался судья Мюррей Лю...

Гу Янь даже не обернулся. Он лишь негромко кашлянул, призывая коллегу к порядку.

Любой юрист, которому доводилось сталкиваться с этим хмурым господином, знал: Мюррей Лю всегда предвзят. О беспристрастности в его процессах можно было забыть, а уж добиться от него оправдательного приговора — задача практически невыполнимая.

Стороны заняли свои места. Под конвоем двух судебных приставов в зал ввели Джошуа Даллера.

Опустившись на стул, юноша сделал глубокий вдох и уставился на боковую дверь. Оттуда цепочкой потянулись члены коллегии присяжных, занимая свои места в ложе.

Люди, от которых теперь зависела его судьба, — двенадцать случайных незнакомцев.

Когда все подтвердили свое присутствие, судья Мюррей Лю опустил взгляд на лежащий перед ним увесистый фолиант с судебным уставом и стандартными формулировками.

Эту процедуру он проводил сотни раз и помнил каждое слово наизусть, однако правила требовали зачитывать текст по книге — дань незыблемой строгости закона.

Первым делом присяжным надлежало принести присягу.

Посмотрев на присяжных, Мюррей Лю произнес размеренным, глубоким голосом:

— Прошу коллегию принести присягу. Обязуетесь ли вы честно и беспристрастно рассмотреть настоящее дело и вынести справедливый вердикт в соответствии с законом и вашей совестью?

В зале зазвучал нестройный хор голосов:

— Клянемся судить честно и непредвзято. Если невиновный будет оправдан — мы разделим его радость, если же пострадает правый — бремя вины ляжет на наши души. Клянемся руководствоваться разумом и стоять на страже правосудия.

Джошуа медленно выдохнул. Пальцы, лежавшие на коленях, мелко дрожали, и он сжал их в кулаки.

Нервное напряжение было настолько сильным, что когда судья назвал его имя для установления личности, смысл этих простых слов дошел до него не сразу. Он глупо смотрел на трибуну несколько секунд, прежде чем осознал услышанное, и заторможенно кивнул:

— Да, это я.

Потребовалось еще какое-то время, чтобы догадаться опуститься обратно на стул.

Когда он наконец пришел в себя, прокурор уже вовсю зачитывал вступительное заявление. Его сухой голос доносился до Джошуа словно из глубокого колодца.

—... Подзащитный Джошуа Даллер воспользовался бронзовой декоративной статуэткой, находившейся на шкафу в гостиной госпожи Китти Белл, и диванной подушкой из грубой ткани, чтобы заглушить звук удара. Нанеся пострадавшей удар по затылку, обвиняемый привел ее в бессознательное состояние, тем самым лишив возможности активировать аварийную сигнализацию. После чего похитил шкатулку, содержащую ювелирные украшения и неименной вексель. Будучи детально осведомленным о распорядке дня Китти Белл и ее двоюродного внука Честера Белла, подсудимый сумел покинуть дом ровно в тот момент, когда молодой человек возвращался домой. Скрывшись во дворе, обвиняемый воспользовался минутной заминкой и перелез через забор, вернувшись в собственное жилище. Данные факты подтверждаются как свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами, так и признанием самого подсудимого...

Закончив выстраивать свою безупречную логическую цепочку, прокурор учтиво кивнул судье.

— Суд искренне сочувствует несчастью, постигшему госпожу Китти Белл, — отозвался Мюррей Лю и перевел тяжелый взгляд на сторону защиты. Его тонкие губы сжались, сделав лицо еще более угрюмым и высокомерным. — Адвокат Гу? Прошу вас, можете переходить к вступительному заявлению.

В судебной практике эта стадия стандартна: прокурор излагает суть обвинения и перечисляет собранные улики, а адвокат очерчивает линию защиты, подкрепляя позиции своего клиента.

Джошуа, не дыша, сверлил взглядом спину Гу Яня. Янь Суйчжи тоже поднял глаза, созерцая весьма недурственный затылок своего бывшего студента.

Пока весь зал ждал его слова, Гу Янь спокойно поднял руку, делая судье короткий знак.

Этот жест означал лишь одно — защита отказывается от вступительного слова.

Судья Мюррей Лю на мгновение растерялся, его вечно хмурая маска дала трещину. Янь Суйчжи же довольно откинулся на спинку скамьи, и на его губах заиграла едва заметная улыбка.

<http://bllate.org/book/18278/1751046>